

ФРЭНСИС СКОТТ
ФИЦДЖЕРАЛЬД

ВЕЛИКИЙ ГЭТСБИ

РОМАН О КРУШЕНИИ
АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ

ФИЛЬМ ПОЛУЧИЛ
4 ПРЕМИИ «ОСКАР»

В ДВУХ РАЗНЫХ ЭКРАНИЗАЦИЯХ РОМАНА
(1974 И 2013 ГОДЫ)

18+

Фрэнсис Скотт Фицджеральд
Великий Гэтсби

«Автор»

2026

Фицджеральд Ф.

Великий Гэтсби / Ф. Фицджеральд — «Автор», 2026

Лонг-Айленд, 1922 год. Время безудержного экономического бума, рёва мощных моторов, подпольных баров-speakeasy и ослепительного джаза. На фоне этой роскоши разворачивается драма Джея Гэтсби — человека-загадки, который поднялся из низов ради единственной цели: вернуть женщину своей юности, блистательную Дейзи Бьюкенен. Его особняк полон гостей, но одинок, а за фасадом праздника скрывается трагический надлом. Роман Ф. Скотта Фицджеральда давно стал зеркалом потерянного поколения и главным текстом об американской мечте, которая разбивается о жестокую реальность. Данное цифровое издание представляет собой больше, чем классический перевод. Специально подготовленная Бонусная часть погружает читателя в изнанку эпохи: исторический гид по миру бутлегеров и флэпперов, географический путеводитель по роману, разбор знаменитых экранизаций, а также уникальные «Заметки переводчика», раскрывающие тайны рождения русской интонации этой великой книги.

© Фицджеральд Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие переводчика: Возвращение к «Великому Гэтсби»	6
Главные переводческие вызовы	7
Почему мы возвращаемся к Гэтсби снова и снова?	8
Главные персонажи	9
География романа «Великий Гэтсби»: Пространство и символы	11
Ключевые географические точки романа	12
Ист-Эгг (East Egg — «Старые деньги»):	13
Долина Шлака (	14
Нью-Йорк (Manhattan):	15
Залив и мост Куинсборо:	16
Глава 1.	17
Глава 2	26
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Великий Гэтсби

Предисловие переводчика: Возвращение к «Великому Гэтсби»

«Великий Гэтсби» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда — это не просто роман о потерянном поколении Америки 1920-х годов. Это хрупкое, почти музыкальное произведение, где за внешней легкостью джазового века скрывается глубокая, пронзительная драма одиночества и крушения иллюзий. Работая над новым переводом этого шедевра, я ставил перед собой задачу не просто передать сюжет, но услышать ту самую интонацию Ника Каррауэя — голоса одновременно восхищенного и разочарованного, замороженного и трезвого.

Главные переводческие вызовы

Перевод классики всегда сопряжен с поиском хрупкого баланса между верностью оригиналу и дыханием родного языка. В случае с «Гэтсби» особую сложность представляли три аспекта:

Ритм и музыкальность прозы: Фицджеральд обладал уникальным чувством стиля. Его предложения часто строятся по законам поэзии, где важна каждая пауза, каждый перепад темпа. Мне хотелось сохранить эту фирменную певучесть и кинематографичность кадров.

Дух 1920-х: Жаргон эпохи сухого закона, роскошные вечера на Лонг-Айленде, автомобильные мотивы и мерцающий зелёный огонек на другом берегу залива требуют деликатного обращения. Важно было не архаизировать текст до состояния музейного экспоната, но и не сбить его вневременное звучание в современный сленг.

Многослойность образов: Знаменитый образ зеленого огня, глаза доктора Т. Дж. Эклберга, желтый автомобиль — всё это не просто детали, а метафоры американской мечты, превратившейся в товар. Перевод каждого такого символа требовал предельной точности, чтобы не потерять философский подтекст.

Почему мы возвращаемся к Гэтсби снова и снова?

Каждое новое поколение читателей открывает в романе что-то свое. Для современников Фицджеральда это был роман-зеркало о нравах их бурной юности. Для нас сегодня — это вневременная притча о человеке, который осмелился поверить в то, что прошлое можно вернуть, купив билет в один конец на поезд амбиций и надежд.

«Гэтсби верил в зелёный огонёк, в то исступлённое будущее, которое год за годом отступает от нас...»

Этот перевод — моя попытка приблизить этот мерцающий свет к современному читателю, сохранив всю его изначальную магию и горечь.

Владимир Давыдов

Главные персонажи

Роман Фрэнсиса Скотта Фицджеральда населен яркими, глубокими персонажами, каждый из которых олицетворяет определенные черты Америки 1920-х годов, ее иллюзии и моральный кризис.

Джей Гэтсби (Джеймс Гетц): Заглавный герой книги, загадочный и баснословно богатый нувориш. Он устраивает роскошные вечера в Уэст-Эгге в надежде вернуть любовь всей своей жизни — Дэйзи Бьюкенен. Гэтсби — воплощение слепой веры в американскую мечту и самосоздание, человек, превративший себя в живую легенду ради недостижимого идеала.

Ник Каррауэй: Рассказчик истории, от лица которого ведется повествование. Он прибывает с Среднего Запада на Восток заниматься биржевым делом. Ник выступает одновременно участником событий и сторонним наблюдателем, которому свойственны честность, рефлексия и знаменитый завет отца: воздерживаться от суждений о людях.

Дэйзи Бьюкенен: Кузина Ника и возлюбленная Гэтсби. Очаровательная, капризная и утонченная девушка, чей голос «полон денег». Дэйзи олицетворяет привлекательность высшего общества, но за ее внешней хрупкостью и обаянием скрываются глубокий конформизм, слабость и духовная пустота.

Том Бьюкенен: Муж Дэйзи, колоссально богатый выходец из старой аристократии, бывший игрок в американский футбол в Йеле. Том высокомерен, агрессивен, расист и циничен. Он символизирует высокомерие и вседозволенность старого привилегированного класса и беззащитно изменяет жене.

Джордан Бейкер: Подруга Дэйзи, профессиональная гольфистка. Циничная, независимая и современная женщина эпохи джаза, с которой у Ника завязываются романтические отношения. Джордан олицетворяет моральную гибкость и отчужденность нового поколения.

Миртил Уилсон: Любовница Тома Бьюкенена, жена владельца автосервиса из «Долины Шлака». Отчаянно пытающаяся вырваться из нищеты, она стремится приобщиться к роскошному миру Тома, что в итоге приводит к трагедии.

Джордж Уилсон: Муж Миртл, тихий и сломленный жизнью механик. Он становится орудием мести и безумия в финале романа, символизируя угнетенный и забытый американской мечтой рабочий класс.

Мейер Вольфшим: Теневой компаньон Гэтсби, делец из преступного мира, который, по слухам, подстроил результаты бейсбольной Мировой серии 1919 года. Он подчеркивает теневую, криминальную сторону баснословных богатств эпохи джаза.

«Вся эта пестрая галерея образов создает объемную картину мира, где блеск фасадов скрывает глубокую человеческую драму и одиночество».

География романа «Великий Гэтсби»: Пространство и символы

География романа Фрэнсиса Скотта Фицджеральда «Великий Гэтсби» играет важнейшую роль. Пространство в книге — это не просто фон для развития сюжета, а сложная система метафор, отражающая социальное расслоение Америки 1920-х годов, моральный упадок общества и крах американской мечты.

Ключевые географические точки романа Уэст-Эгг (West Egg — «Новые деньги»):

Западный полуостров, где селится Джей Гэтсби и рассказчик Ник Каррауэй. Здесь живут нувориши — люди, разбогатевшие недавно, которые напоказ выставляют свое состояние, устраивают шумные вечера и стремятся подражать аристократии. Особняк Гэтсби в Уэст-Эгге — это место постоянного праздника, полного гостей, но в то же время глубокого одиночества и самосоздания.

Ист-Эгг (East Egg — «Старые деньги»):

Восточный полуостров, где живут Том и Дэйзи Бьюкенен. Обитель родовой, наследственной элиты Америки. Здесь царит атмосфера стабильности, утонченности, но также пресыщенности и бездушия. Мир привилегий и безнаказанности.

Долина Шлака (

The
Valley
of
Ashes
):

Промзона, расположенная между Уэст-Эггом и Нью-Йорком. Депрессивный индустриальный пейзаж, засыпанный пеплом и угольной пылью. Символ морального упадка индустриальной эпохи. Здесь же располагается автосервис Джорджа Уилсона и пугающий рекламный щит с выцветшими глазами доктора Т. Дж. Эклберга, смотрящими на мир как безразличный божественный взгляд. Это место становится ареной трагедии и гибели.

Нью-Йорк (Manhattan):

Центр деловой жизни, суеты, вечеринок и тайных романов. Пространство абсолютных иллюзий и возможностей, где герои укрываются от провинциальной скуки. Здесь происходят ключевые конфликтные сцены (например, в отеле «Плаза») и находится тайная квартира на Сто пятьдесят восьмой улице, где Том встречается с Миртл Уилсон.

Залив и мост Куинсборо:

Залив разделяет Уэст-Эгг и Ист-Эгг — два мира, которые при внешней близости остаются социально чужими друг другу. Зелёный огонёк на противоположном берегу становится для Гэтсби знаком желанной и недостижимой жизни. Мост Куинсборо через Ист-Ривер ведёт героев в Манхэттен, где город обещает им новые возможности и приключения.

«Вся эта топография образует замкнутый мир, где движение из провинции на Восток и обратно превращается в трагический круговорот человеческих надежд».

Глава 1.

В юности, когда я был куда уязвимее, отец дал мне совет, над которым я с тех пор не перестаю размышлять. «Всякий раз, когда тебе захочется кого-нибудь осудить, — сказал он, — вспомни, что не у всех людей на свете были те преимущества, какие выпали тебе».

Больше он ничего не добавил, но при всей нашей сдержанности мы всегда удивительно хорошо понимали друг друга, и я знал: за этими словами стоит гораздо больше. С тех пор я стараюсь не спешить с суждениями — привычка, благодаря которой мне открылись многие любопытные натуры и которая сделала меня жертвой немалого числа закоренелых зануд. Люди с душевными странностями быстро распознают это свойство в человеке вполне обычном и тут же к нему привязываются. Так вышло, что в университете меня несправедливо считали политиканом: мне доверяли свои тайные горести буйные молодые люди, которых я едва знал. Большой частью я вовсе не искал этих признаний. Нередко я притворялся спящим, занятым или отгораживался недружелюбной насмешливостью, когда по какому-нибудь безошибочному признаку замечал, что на горизонте уже трепещет откровение: ведь задушевные признания молодых людей — во всяком случае, слова, которыми они выражаются, — обычно заимствованы, а явные умолчания только портят их. Воздерживаться от суждений — значит питать безграничную надежду. Я и теперь немного боюсь что-нибудь упустить, если забуду, что чувство самых простых человеческих приличий, как с известным снобизмом наметнул отец и как с тем же снобизмом повторяю я, от рождения распределяется между людьми неравномерно.

И всё же, похвалившись своей терпимостью, я должен признаться: у неё есть предел. Поведение человека может опираться на твёрдый камень или на зыбкую топь, но с некоторого момента мне уже безразлично, на что именно оно опирается. Вернувшись с Востока прошлой осенью, я почувствовал, что хочу видеть весь мир в форме, раз и навсегда вытянувшийся по нравственной стойке смирно; мне больше не хотелось буйных вылазок, дававших право заглядывать в потаённые уголки человеческого сердца. Исключение я сделал лишь для Гэтсби — человека, чьим именем названа эта книга, — хотя он воплощал всё, к чему я испытываю неподдельное презрение. Если личность — это непрерывная череда удавшихся жестов, то в нём было нечто великолепное: какая-то обострённая чуткость к обещаниям жизни, словно он был сродни одному из тех сложных приборов, которые улавливают землетрясения за десять тысяч миль. Эта отзывчивость не имела ничего общего с дряблой впечатлительностью, которую принято облагораживать названием «творческий темперамент»; это был необычайный дар надежды, готовность отдаться романтической мечте, какой я не встречал ни в одном другом человеке и едва ли встречу когда-нибудь ещё. Нет, в конце концов сам Гэтсби оказался достоин уважения; то, что терзало его, та грязная пыль, что тянулась по следу его мечтаний, — вот что на время отбило у меня интерес к бесплодным горестям и недолговечным восторгам людей.

Уже три поколения моя семья принадлежит к числу заметных, состоятельных семейств этого города на Среднем Западе. Карраузи — своего рода клан; по семейному преданию, мы ведём род от герцогов Баклю, но действительным основателем нашей ветви был брат моего деда. Он приехал сюда в пятьдесят первом году, во время Гражданской войны отправил вместо себя на службу наёмного заместителя и основал оптовую торговлю скобяными товарами, которую отец продолжает по сей день.

Самого двоюродного деда я никогда не видел, но говорят, что я на него похож, — если судить прежде всего по портрету с довольно суровым выражением лица, который висит в отцовском кабинете. Университет в Нью-Хейвене я окончил в 1915 году, ровно через четверть века после отца, а немного позднее принял участие в том запоздалом переселении германцев, которое известно под названием Великой войны. Ответный поход мне так понравился, что домой я вернулся, не найдя себе покоя. Средний Запад теперь казался мне не тёплым средо-

точием мира, а обтрёпанным краем вселенной, и я решил отправиться на Восток и освоить торговлю облигациями. Все мои знакомые занимались облигациями, поэтому я предположил, что это дело прокормит ещё одного холостяка. Тётушки и дядюшки обсуждали мой замысел так, словно выбирали для меня подготовительную школу, и наконец с очень серьёзными, нерешительными лицами произнесли: «Что ж... да-а». Отец согласился содержать меня в течение года, и после разных отсрочек весной двадцать второго я приехал на Восток — как мне тогда казалось, навсегда.

Разумнее всего было бы снять комнаты в городе, но стояла тёплая пора, а я только что покинул край широких лужаек и приветливых деревьев. Поэтому предложение одного молодого сослуживца вместе снять дом в пригороде, откуда удобно ездить на работу, показалось мне отличной мыслью. Дом он нашёл — потрёпанное непогодой, словно картонное бунгало за восемьдесят долларов в месяц, — но в последнюю минуту фирма отправила его в Вашингтон, и за город я перебрался один. У меня была собака — по крайней мере, несколько дней, пока она не убежала, — старый «додж» и финка, которая заправляла мне постель, готовила завтрак и, стоя у электрической плиты, бормотала себе под нос финские премудрости.

День или два я чувствовал себя одиноко, пока однажды утром меня не остановил на дороге человек, приехавший сюда ещё позднее, чем я. «Как пройти в посёлок Уэст-Эгг?» — беспомощно спросил он. Я объяснил дорогу и, когда пошёл дальше, уже не чувствовал одиночества. Я стал проводником, первопроходцем, коренным поселенцем. Одним случайным вопросом он даровал мне право считать эти места своими.

И вот под солнечным светом, среди бурно распускавшейся на деревьях листвы, которая росла словно в ускоренной киносъёмке, меня охватило знакомое убеждение: вместе с летом жизнь начинается заново.

Прежде всего мне предстояло столько прочесть, а из молодого, животворного воздуха можно было почерпнуть столько крепкого здоровья. Я купил с десяток томов о банковском деле, кредите и инвестиционных ценных бумагах. Они стояли на полке в красном и золотом, словно новенькие деньги с монетного двора, обещая раскрыть блистательные тайны, известные лишь Мидасу, Моргану и Меценату. Кроме того, я твёрдо намеревался прочесть множество других книг. В университете у меня были литературные склонности: как-то в течение года я написал для «Йельских новостей» целую серию чрезвычайно серьёзных передовиц, полных очевидных истин. Теперь я собирался вернуть всё это в свою жизнь и вновь сделаться самым ограниченным из всех специалистов — «всесторонне развитым человеком». Это не просто остроумие: в конце концов, жизнь гораздо лучше видна из одного окна.

По воле случая я снял дом в одном из самых странных поселений Северной Америки. Оно находилось на том узком, буйном острове, который тянется от Нью-Йорка строго на восток и где, помимо прочих природных диковин, есть два необычных образования суши. В двадцати милях от города два громадных яйца, одинаковых по очертаниям и разделённых лишь заливом, существующим будто из одной учтивости, выступают в самые обжитые солёные воды Западного полушария — в просторный водяной птичий двор пролива Лонг-Айленд. Это не безупречные овалы: как яйцо в истории о Колумбе, оба они приплюснуты у основания. Однако их внешнее сходство, должно быть, непрестанно удивляет пролетающих над ними чаек. Для бескрылых куда интереснее то, что во всём, кроме формы и размера, они совершенно различны.

Я жил в Уэст-Эгге — ну, в менее фешенебельном из двух, хотя такое определение слишком поверхностно, чтобы передать причудливый и довольно зловещий контраст между ними. Мой дом стоял на самом кончике яйца, всего в пятидесяти ярдах от пролива, зажатый между двумя огромными усадьбами, которые сдавались за двенадцать или пятнадцать тысяч в сезон. Та, что находилась справа, была грандиозна по любым меркам: точная копия какой-нибудь нормандской ратуши, с башней сбоку, совсем новенькая под редкой бородкой молодого плюща, с мраморным бассейном и более чем сорока акрами лужаек и садов. Это был особняк Гэтсби.

Вернее, поскольку мистера Гэтсби я ещё не знал, особняк, в котором жил джентльмен с такой фамилией. Мой собственный дом был бельмом на глазу, но бельмом маленьким, и его оставили в покое. Так что я получил вид на воду, частичный вид на соседскую лужайку и утешительное соседство миллионеров — всё за восемьдесят долларов в месяц.

По другую сторону учтивого залива вдоль воды сверкали белые дворцы фешенебельного Ист-Эгга, и история того лета по-настоящему начинается с вечера, когда я поехал туда обедать к Тому Бьюкенену и его жене. Дэйзи приходилась мне дальней родственницей, а Тома я знал ещё по университету. Сразу после войны я провёл у них два дня в Чикаго.

Среди прочих спортивных достижений её мужа было и то, что он считался одним из самых могучих крайних игроков, когда-либо выступавших за футбольную команду Нью-Хейвена. В некотором смысле он был известен всей стране — один из тех людей, которые в двадцать один год достигают такого исключительного совершенства в одной узкой области, что вся дальнейшая жизнь кажется лишь спадом после вершины. Его семья была баснословно богата; ещё в университете его упрекали за то, как свободно он швырялся деньгами. Теперь же он покинул Чикаго и перебрался на Восток с размахом, от которого захватывало дух: например, перевёз из Лейк-Фореста целую конюшню лошадей для поло. Трудно было осознать, что человек моего поколения может быть настолько богат.

Почему они приехали на Восток, я не знаю. Без особой причины они провели год во Франции, а потом беспокойно скитались из одного места в другое — всюду, где люди играли в поло и наслаждались богатством в обществе друг друга. По телефону Дэйзи сказала, что на этот раз они поселились насовсем, но я ей не поверил. Я не мог заглянуть ей в сердце, однако чувствовал, что Том будет вечно странствовать, с лёгкой тоской разыскивая бурное напряжение какой-то футбольной игры, которую уже не вернуть.

Так в один тёплый ветреный вечер я отправился в Ист-Эгг навестить двух старых друзей, которых почти совсем не знал. Их дом оказался ещё роскошнее, чем я ожидал: радостный красно-белый особняк в колониальном стиле георгианской эпохи, с видом на залив. Лужайка начиналась у пляжа и на четверть мили устремлялась к парадной двери, перескакивая через солнечные часы, кирпичные дорожки и пламенеющие цветники; добравшись наконец до дома, она словно по инерции избегала по стенам яркими выющимися растениями. Фасад был прорезан рядом французских окон; сейчас они сияли отражённым золотом и были распахнуты навстречу теплу и ветру уходящего дня. На парадном крыльце, широко расставив ноги, стоял Том Бьюкенен в костюме для верховой езды.

Со времён Нью-Хейвена он изменился. Теперь это был крепко сложенный тридцатилетний мужчина с волосами соломенного цвета, жёстким ртом и высокомерными манерами. Два блестящих надменных глаза властвовали над его лицом, и казалось, что он всё время угрожающе подаётся вперёд. Даже женственная щеголеватость костюма для верховой езды не могла скрыть громадную мощь этого тела. Казалось, оно распирает лоснящиеся сапоги до самых верхних шнурков; когда под тонкой тканью куртки двигалось плечо, можно было различить перекатывающийся пучок мышц. Это тело было способно приложить сокрушительную силу — жестокое тело.

Его голос, грубоватый, хриплый тенор, усиливал впечатление задиристости. В нём слышалось покровительственное презрение даже к тем, кто ему нравился, а в Нью-Хейвене были люди, которые ненавидели его всей душой. «Не думайте, что моё мнение в этих вопросах окончательно, — словно говорил он, — только потому, что я сильнее вас и во мне больше мужества». Мы состояли в одном студенческом обществе на последнем курсе и, хотя никогда не были близки, я всегда чувствовал, что он меня одобряет и хочет, чтобы я его полюбил, — хочет с какой-то своей особой, суровой и вызывающей тоской.

Несколько минут мы беседовали на залитом солнцем крыльце. «Недурно я здесь устроился», — сказал он, беспокойно обводя всё вокруг блестящими глазами. Развернув меня за

руку, он повёл широкой плоской ладонью перед открывавшимся видом, одним взмахом охватив и расположенный в углублении итальянский сад, и пол-акра густых, терпко пахнущих роз, и тупоносую моторную лодку, покачивавшуюся на приливной воде у берега. «Раньше всё это принадлежало Дэмейну, нефтепромышленнику». Он снова повернул меня — учтиво и резко. «Пойдём внутрь».

Через высокий холл мы прошли в светлую розовую комнату, которую французские окна на обоих концах словно лишь непрочно связывали с домом. Приоткрытые окна белели на фоне свежей травы, и казалось, что трава немного заходит внутрь. Ветерок гулял по комнате: в одном конце вдувал занавеси, в другом вытягивал их наружу, словно бледные флаги, закручивал к потолку, похожему на покрытый глазурью свадебный торт, а затем пробегал рябью по ковру винного цвета, гоня по нему тени, как ветер по морю.

Единственным совершенно неподвижным предметом в комнате был огромный диван; на нём две молодые женщины словно парили, будто на привязанном воздушном шаре. Обе были в белом, и платья их волнились и трепетали так, словно ветер только что занёс их обратно после короткого полёта вокруг дома. Несколько мгновений я, должно быть, стоял, прислушиваясь к хлеставшим, хлопавшим занавесям и к поскрипыванию картины на стене. Потом раздался гулкий удар — Том Бьюкенен закрыл дальние окна. Пойманный ветер затих в комнате, а занавеси, ковры и обе молодые женщины медленно опустились к полу, словно сдуваемые шары.

Младшую из них я не знал. Она лежала во весь рост на своём конце дивана совершенно неподвижно, слегка приподняв подбородок, будто удерживала на нём что-то, что могло в любую минуту упасть. Если она и заметила меня краем глаза, то ничем этого не выдала. Я даже чуть не пробормотал извинение за то, что своим появлением нарушил её покой.

Другая, Дэйзи, попробовала встать: с добросовестным выражением лица чуть подалась вперёд, потом рассмеялась нелепым, очаровательным смешком. Я тоже рассмеялся и прошёл в комнату. «Я п-парализована от счастья». Она снова засмеялась, будто сказала нечто необыкновенно остроумное, и на мгновение задержала мою руку, глядя мне в лицо снизу вверх и словно обещая, что никого на свете ей не хотелось увидеть сильнее. Такова была её манера. Тихим голосом она дала понять, что фамилия девушки, занятой удержанием равновесия, — Бейкер. Мне доводилось слышать, будто Дэйзи говорит вполголоса лишь затем, чтобы собеседники наклонялись к ней; замечание не по существу, несколько не умалявшее её обаяния.

Как бы то ни было, губы мисс Бейкер дрогнули, она почти незаметно кивнула мне и сразу снова запрокинула голову: предмет, который она удерживала в равновесии, очевидно, чуть качнулся и напугал её. Мне опять захотелось извиниться. Почти всякое проявление полной самодостаточности вызывает во мне ошеломлённое почтение.

Я снова посмотрел на свою кузину, и она начала расспрашивать меня своим низким, волнующим голосом. Это был голос, за взлётами и падениями которого слух следует неотступно, словно каждая фраза — сочетание нот, которое никогда больше не прозвучит. Лицо её было печально и прекрасно; в нём сияли глаза и живой, страстный рот. Но в голосе было волнение, которое мужчинам, любившим её, трудно было забыть: певучая властность, прошептанное «Слушай», обещание, что совсем недавно она пережила нечто радостное и захватывающее и что новые радости и волнения уже реют в наступающем часе.

Я рассказал, как по дороге на Восток остановился на день в Чикаго и как с десятков человек просили передать ей свою любовь. «Они скучают по мне?» — в восторге воскликнула она. «Весь город опустел. На всех автомобилях левое заднее колесо выкрашено в чёрный цвет, как траурный венок, а по ночам вдоль северного берега не смолкают стенания». — «Как чудесно! Давай вернёмся, Том. Завтра же!» Затем она добавила без всякой связи: «Тебе надо посмотреть на малышку».

«Я бы с удовольствием», — ответил я. «Она спит. Ей три года. Ты разве никогда её не видел?» Я сказал, что никогда. «Ну, тебе непременно надо её увидеть. Она...» Том Бьюкенен,

до этого беспокойно бродивший по комнате, остановился и положил мне руку на плечо. «Чем ты занимаешься, Ник?» — «Торгую облигациями». — «У кого?» Я назвал фирму. «Никогда о них не слышал», — безапелляционно заметил он. Меня это задело. «Ещё услышишь, — отрезал я. — Если останешься на Востоке, услышишь».

«Уж на Востоке я останусь, не беспокойся, — сказал он, взглянув на Дэйзи, а потом снова на меня, словно насторожённо ожидая чего-то ещё. — Надо быть последним чёртовым дураком, чтобы жить где-нибудь в другом месте». Тут мисс Бейкер произнесла: «Совершенно верно!» — с такой внезапностью, что я вздрогнул: это были её первые слова с тех пор, как я вошёл. Очевидно, её саму они удивили не меньше, чем меня, потому что она зевнула и несколькими быстрыми, ловкими движениями поднялась на ноги.

«Я вся затекла, — пожаловалась она. — Сколько себя помню, лежу на этом диване». — «На меня не смотри, — возразила Дэйзи. — Я весь день пытаюсь вытащить тебя в Нью-Йорк». — «Нет, спасибо», — сказала мисс Бейкер четырём коктейлям, только что принесённым из буфетной. «Я строго соблюдаю тренировочный режим». Хозяин посмотрел на неё с недоверием. «Вот как!» Он выпил свой коктейль так, словно в бокале была одна капля. «Не понимаю, как тебе вообще удаётся чего-нибудь добиться».

Я посмотрел на мисс Бейкер, раздумывая, чего именно ей удаётся «добиться». Смотреть на неё было приятно. Это была стройная девушка с небольшой грудью и прямой осанкой, которую она подчёркивала, по-кадетски отводя плечи назад. На бледном, очаровательном, недовольном лице её серые, утомлённые солнцем глаза отвечали мне вежливым любопытством. И тут мне пришло в голову, что я уже где-то видел её саму или её портрет.

«Вы живёте в Уэст-Эгге», — презрительно заметила она. «У меня там есть знакомый». — «Я там ни одного...» — «Вы должны знать Гэтсби». — «Гэтсби? — переспросила Дэйзи. — Какого Гэтсби?» Прежде чем я успел ответить, что это мой сосед, объявили, что обед подан. Том Бьюкенен властно продел свою напряжённую руку под мою и увёл меня из комнаты, словно переставлял шашку на другую клетку.

Обе молодые женщины, стройные и томные, легко положив руки на бёдра, прошли перед нами на розовую веранду, открытую закату. На столе в ослабевающем ветре мерцали четыре свечи. «Зачем свечи?» — недовольно спросила Дэйзи и нахмурилась. Она погасила их пальцами. «Через две недели будет самый длинный день в году». Она сияющим взглядом обвела нас. «Вы тоже всегда ждёте самого длинного дня, а потом его пропускаете? Я всегда жду самого длинного дня в году и всегда пропускаю».

«Надо что-нибудь придумать», — зевнула мисс Бейкер, усаживаясь за стол так, словно укладывалась в постель. «Хорошо, — сказала Дэйзи. — Что придумаем?» Она беспомощно повернулась ко мне: «Что люди вообще придумывают?» Но прежде чем я успел ответить, она с испугом уставилась на свой мизинец. «Посмотрите! — пожаловалась она. — Я его ушибла». Мы все посмотрели: сустав был в синяках. «Это ты, Том, — обвиняюще сказала она. — Я знаю, что ты не нарочно, но ведь это сделал ты. Вот что значит выйти замуж за грубияна, за огромного, здоровенного, неотёсанного...» — «Терпеть не могу слово “здоровенный”, — сердито перебил Том. — Даже в шутку». — «Здоровенный», — повторила Дэйзи.

Иногда она и мисс Бейкер говорили одновременно — ненавязчиво, с шутиливой бессвязностью, которая всё же не превращалась в болтовню и была так же прохладна, как их белые платья и безличные взгляды, в которых не было ни единого желания. Они находились здесь и принимали присутствие Тома и моё, лишь из вежливости прилагая приятные усилия, чтобы развлекать или развлекаться. Они знали, что вскоре закончится обед, а немного позднее и вечер, который будет небрежно отложен в сторону. Как непохоже это было на Запад, где вечер торопливо гнали от одного этапа к другому, к его завершению, то в ожидании, которое неизменно обманывалось, то просто в нервном страхе перед самой текущей минутой.

«Рядом с тобой я чувствую себя дикарём, Дэйзи, — признался я за вторым бокалом бордо, отдававшего пробкой, но всё же довольно внушительного. — Не можешь поговорить об урожае или ещё о чём-нибудь таком?» Я ничего особенного не имел в виду, но мои слова вызвали неожиданную реакцию. «Цивилизация рушится, — с жаром выпалил Том. — Я стал смотреть на всё страшно пессимистически. Ты читал “Восхождение цветных империй” этого Годдарда?» — «Нет», — ответил я, несколько удивлённый его тоном.

«Прекрасная книга, и прочитать её должен каждый. Суть в том, что, если мы не будем начеку, белую расу... белую расу совсем затопит. Всё строго научно, всё доказано». — «Том становится очень глубоким, — сказала Дэйзи с выражением бездумной печали. — Читает серьёзные книги с длинными словами. Как там называлось то слово, которое мы...» — «Эти книги вполне научны, — настоял Том, нетерпеливо взглянув на неё. — Этот человек всё рассчитал. Мы, господствующая раса, обязаны быть настороже, иначе другие расы приберут всё к рукам».

«Надо их придавить», — прошептала Дэйзи, свирепо подмигивая в сторону пылающего солнца. «Вам бы пожить в Калифорнии...» — начала мисс Бейкер, но Том перебил её, тяжело заворочавшись в кресле. «Суть в том, что мы — нордическая раса. Я, и ты, и вы, и...» После едва заметного колебания он лёгким кивком включил в этот круг Дэйзи; она снова подмигнула мне. «И мы создали всё, из чего состоит цивилизация: ну, науку, искусство и прочее. Понимаете?»

В его сосредоточенности было что-то жалкое, словно самодовольства, ещё более острого, чем прежде, ему уже не хватало. Почти сразу в доме зазвонил телефон, дворецкий покинул веранду, и Дэйзи воспользовалась коротким перерывом, чтобы наклониться ко мне. «Я открою тебе семейную тайну, — с воодушевлением прошептала она. — Она касается носа дворецкого. Хочешь услышать про нос дворецкого?» — «Именно для этого я сегодня и приехал».

«Так вот, он не всегда был дворецким. Раньше он чистил серебро у одних людей в Нью-Йорке, у которых был серебряный сервиз на двести персон. Ему приходилось начищать его с утра до ночи, и наконец это стало сказываться на его носе...» — «Дело шло всё хуже и хуже», — подсказала мисс Бейкер. «Да. Дело шло всё хуже и хуже, пока в конце концов ему не пришлось оставить место».

На мгновение последние солнечные лучи с влюблённой нежностью легли на её сияющее лицо; слушая её голос, я невольно подавался вперёд, затаив дыхание. Потом сияние погасло; каждый отблеск покидал её с медленным сожалением, словно дети, уходящие в сумерках с любимой улицы.

Дворецкий вернулся и что-то прошептал Тому на ухо. Том нахмурился, отодвинул стул и без единого слова ушёл в дом. Словно его отсутствие оживило что-то внутри неё, Дэйзи снова наклонилась вперёд, и голос её засиял и запел. «Как приятно видеть тебя за моим столом, Ник. Ты напоминаешь мне... розу, самую настоящую розу. Правда ведь?» Она повернулась к мисс Бейкер за подтверждением: «Самую настоящую розу?»

Это было неправдой. Я даже отдалённо не похож на розу. Она просто импровизировала, но от неё исходило волнующее тепло, словно её сердце пыталось добраться до тебя, спрятавшись в одном из этих трепетных, захватывающих слов. И вдруг она бросила салфетку на стол, извинилась и ушла в дом.

Мы с мисс Бейкер обменялись коротким взглядом, которому намеренно не придали никакого значения. Я уже собирался заговорить, когда она насторожённо выпрямилась и предостерегающе шикнула. Из соседней комнаты доносился приглушённый, взволнованный разговор, и мисс Бейкер без всякого стеснения подалась вперёд, стараясь расслышать. Голоса трепетали на грани различных слов, стихали, возбуждённо поднимались и наконец совсем умолкли.

«Этот мистер Гэтсби, о котором вы говорили, — мой сосед...» — начал я. «Не говорите. Я хочу послушать, что будет». — «А что-нибудь происходит?» — простодушно спросил я. «Вы хотите сказать, что не знаете? — искренне удивилась мисс Бейкер. — Я думала, все знают». Я ответил, что не знаю. «Ну... — нерешительно произнесла она. — У Тома есть какая-то женщина в Нью-Йорке». — «Какая-то женщина?» — растерянно повторил я. Мисс Бейкер кивнула. «Могла бы проявить хоть немного приличия и не звонить ему во время обеда. Как вы считаете?»

Я едва успел понять смысл её слов, как послышались шелест платья и скрип кожаных сапог: Том и Дэйзи вернулись к столу. «Ничего нельзя было поделаться!» — воскликнула Дэйзи с напряжённой весёлостью. Она села, испытующе посмотрела на мисс Бейкер, затем на меня и продолжила: «Я на минутку выглянула наружу, и там так романтично. На лужайке сидит птица — наверное, соловей, который приехал на пароходе “Кунард” или “Уайт Стар”. Поёт себе...» Голос её запел: «Романтично, правда, Том?»

«Очень романтично», — сказал он, а потом уныло обратился ко мне: «Если после обеда будет ещё достаточно светло, я хочу показать тебе конюшню». В доме резко зазвонил телефон. Дэйзи решительно покачала головой, глядя на Тома, и разговор о конюшне — как, впрочем, и всякий другой разговор — растворился в воздухе. Среди разрозненных обломков последних пяти минут за столом я помню, как снова, совершенно бессмысленно, зажгли свечи; я понимал, что хочу прямо посмотреть каждому в лицо и в то же время избегаю всех взглядов. Я не мог угадать мысли Дэйзи и Тома, но сомневаюсь, что даже мисс Бейкер, которая, казалось, овладела довольно стойким скептицизмом, могла совсем забыть о пронзительном металлическом напоре этого пятого гостя. Человеку иного склада такая ситуация могла бы показаться интригующей; моим первым побуждением было немедленно позвонить в полицию.

О лошадях, разумеется, больше не упоминали. Том и мисс Бейкер, разделённые несколькими футами сумерек, неторопливо вернулись в библиотеку, словно собирались бодрствовать у вполне осязаемого покойника. Я же, стараясь выглядеть приятно заинтересованным и слегка глуховатым, последовал за Дэйзи по веренице сообщающихся веранд к парадному крыльцу. В его густом мраке мы сели рядом на плетёный диванчик.

Дэйзи обхватила лицо ладонями, будто ощупывала его прекрасные очертания, и её взгляд постепенно ушёл в бархатные сумерки. Я видел, что ею владеют бурные чувства, и потому стал задавать вопросы о её маленькой дочери, надеясь, что они её успокоят. «Мы с тобой плохо знаем друг друга, Ник, — вдруг сказала она. — Хотя и родственники. Ты не приехал на мою свадьбу». — «Я ещё не вернулся с войны». — «Это правда». Она помедлила. «Знаешь, мне пришлось очень тяжело, Ник, и теперь я довольно цинично смотрю на всё».

Очевидно, у неё были на то основания. Я ждал, но она ничего больше не сказала, и немного погодя я довольно неуклюже вернулся к разговору о дочери. «Наверное, она уже говорит и... ест, и всё такое». — «О да». Она рассеянно посмотрела на меня. «Послушай, Ник, я расскажу тебе, что сказала, когда она родилась. Хочешь?» Я ответил, что очень хочу.

«Ты поймёшь, как я стала относиться ко... всему. Ей не было ещё и часа, а Том находился бог знает где. Я очнулась после эфирного наркоза с чувством, что меня совершенно бросили, и сразу спросила сестру, кто родился — мальчик или девочка. Она сказала, что девочка, и тогда я отвернулась и заплакала. “Что ж, — сказала я, — я рада, что это девочка. И надеюсь, она будет дурочкой: лучшее, чем может быть девушка в этом мире, — хорошенькая маленькая дурочка”».

«Видишь ли, я в любом случае считаю, что всё ужасно, — убеждённо продолжала она. — Все так считают — самые передовые люди. А я знаю. Я везде побывала, всё видела, всё испытала». Её глаза вызывающе блеснули, обводя пространство вокруг, совсем как глаза Тома, и она засмеялась с волнующим презрением. «Искушённая... Боже, как же я искушена!»

Едва её голос оборвался, перестав властно удерживать моё внимание и заставлять меня верить, я почувствовал глубокую неискренность всего сказанного. Мне стало не по себе, словно весь вечер был какой-то уловкой, рассчитанной на то, чтобы выманить у меня ответное чувство. Я подождал, и действительно, через мгновение она посмотрела на меня с откровенной усмешкой на прекрасном лице, будто объявила о своём членстве в весьма избранном тайном обществе, к которому принадлежали они с Томом.

В доме багряная комната цвела светом. Том и мисс Бейкер сидели на противоположных концах длинного дивана; она читала ему вслух «Сатердей ивнинг пост». Слова, тихие и ровные, сливались в успокаивающий напев. Свет лампы ярко блестел на его сапогах, глухо лежал на её волосах, жёлтых, как осенняя листва, и скользил по бумаге, когда она переворачивала страницу, а под кожей её рук трепетали тонкие мышцы.

Когда мы вошли, она подняла руку, на мгновение призывая нас к молчанию. «Продолжение, — сказала она, бросая журнал на стол, — в нашем следующем номере». Беспокойное движение колена напомнило о её теле, и она встала. «Десять часов», — заметила она, словно прочла время на потолке. «Этой примерной девочке пора в постель». — «Завтра Джордан играет на турнире, — объяснила Дэйзи. — В Уэстчестере». — «А... так вы Джордан Бейкер».

Теперь я понял, почему её лицо казалось знакомым: это приятное презрительное выражение смотрело на меня со множества фотографий на газетных страницах о спортивной жизни Эшвилла, Хот-Спрингса и Палм-Бич. Я слышал о ней и какую-то историю, неприятную, выставившую её в дурном свете, но давно забыл, в чём там было дело.

«Спокойной ночи, — тихо сказала она. — Разбудите меня в восемь, хорошо?» — «Если ты встанешь». — «Встану. Спокойной ночи, мистер Каррауэй. Скоро увидимся». — «Конечно, увидите, — подтвердила Дэйзи. — Вообще-то я, пожалуй, устрою свадьбу. Приезжай почаще, Ник, а я буду... ну... сталкивать вас друг с другом. Знаешь, нечаянно запереть в бельевых шкафах, выталкивать в море на лодке и всё такое...» — «Спокойной ночи, — донёсся с лестницы голос мисс Бейкер. — Я не слышала ни слова».

«Она хорошая девушка, — немного погодя сказал Том. — Не следовало бы позволять ей так разъезжать по всей стране». — «Кому не следовало бы?» — холодно спросила Дэйзи. «Её семье». — «Вся её семья — одна тётушка, которой лет тысяча. Кроме того, Ник за ней присмотрит. Правда, Ник? Этим летом она будет часто приезжать к нам на выходные. Думаю, домашняя обстановка пойдёт ей на пользу».

Дэйзи и Том некоторое время молча смотрели друг на друга. «Она из Нью-Йорка?» — поспешно спросил я. «Из Луисвилла. Там прошла наша белая девичья юность. Наша прекрасная белая...» — «Ты поговорила с Ником по душам на веранде?» — внезапно спросил Том. «Разве? — Она взглянула на меня. — Что-то не помню, но, кажется, мы говорили о нордической расе. Да, уверена, именно о ней. Она как-то незаметно подкралась к нам, и не успели мы оглянуться...» — «Не верь всему, что слышишь, Ник», — посоветовал он.

Я легко ответил, что вообще ничего не слышал, а через несколько минут поднялся, чтобы ехать домой. Они проводили меня до двери и встали рядом в приветливом квадрате света. Когда я завёл мотор, Дэйзи властно окликнула меня: «Подожди! Я забыла спросить тебя кое о чём важном. Мы слышали, что ты обручён с девушкой на Западе». — «Верно, — добродушно подтвердил Том. — Мы слышали, что ты обручён». — «Это клевета. Я слишком беден». — «Но мы слышали, — настояла Дэйзи, вновь раскрываясь, как цветок, и этим удивляя меня. — От трёх человек слышали, значит, это правда».

Конечно, я понимал, что они имеют в виду, но ни о какой помолвке не было и речи. То, что сплетни уже огласили мой предстоящий брак, было одной из причин моего приезда на Восток. Нельзя перестать встречаться со старой приятельницей из-за слухов, но, с другой стороны, я вовсе не собирался позволять слухам женить меня.

Их участие несколько тронуло меня, сделав их богатство менее отдалённым; и всё же я уехал в смятении и с некоторым отвращением. Мне казалось, Дэйзи следовало выбежать из дома с ребёнком на руках, но, очевидно, подобных намерений у неё не было. Что до Тома, то известие, что у него «есть какая-то женщина в Нью-Йорке», удивило меня куда меньше, чем то, что какая-то книга повергла его в уныние. Что-то заставляло его обглаживать края затхлых идей, словно здорового себялюбия, основанного на телесной силе, уже не хватало для питания его властного сердца.

На крышах придорожных ресторанов и перед гаражами у обочины, где новые красные бензоколонки стояли в лужах света, уже царило полное лето. Добравшись до своего поместья в Уэст-Эгге, я загнал машину под навес и некоторое время посидел во дворе на брошенном катке для газона. Ветер улёгся, оставив звучную, светлую ночь: в деревьях хлопали крылья, и неумолчно гудел орган, словно земля, раздувая огромные мехи, вдыхала жизнь в лягушек. В лунном свете дрогнул силуэт проходившей кошки. Повернув голову ей вслед, я увидел, что не один: в пятидесяти футах от меня из тени соседского особняка вышел человек и теперь стоял, засунув руки в карманы, разглядывая серебряную россыпь звёзд. Что-то в его неторопливых движениях и в том, как уверенно он стоял на лужайке, подсказывало, что это сам мистер Гэтсби вышел определить, какая доля здешних небес принадлежит ему.

Я решил окликнуть его. Мисс Бейкер упоминала его за обедом, и этого было бы достаточно для знакомства. Но я не окликнул: он вдруг дал понять, что доволен своим одиночеством, — странным жестом протянул руки к тёмной воде, и, хотя стоял далеко от меня, я мог бы поклясться, что он дрожит. Невольно я посмотрел в сторону моря и различил лишь один зелёный огонёк, крошечный и далёкий; возможно, он горел на конце причала. Когда я снова обернулся к Гэтсби, тот уже исчез, и я опять остался один в беспокойной темноте.

Глава 2

Примерно на полпути между Уэст-Эггом и Нью-Йорком шоссе торопливо прижимается к железной дороге и с четверть мили бежит рядом с ней, словно стремясь уклониться от одного пустынного участка земли. Это Долина Шлака — фантастическая ферма, где пепел растёт, как пшеница, образуя гряды, холмы и причудливые сады; где пепел принимает облик домов, труб и восходящего дыма и наконец, последним немислимым усилием, — облик пепельно-серых людей, которые смутно движутся в пыльном воздухе, уже рассыпаясь на ходу. Временами по невидимым рельсам проползает вереница серых вагонов, издаёт жуткий скрежет и замирает; тотчас пепельно-серые люди роем набегают с тяжёлыми, словно свинцовыми, лопатами и вздымают непроницаемое облако, скрывающее от глаз их неясные занятия.

Но над серой землёй и порывами унылой пыли, бесконечно плывущей над нею, спустя мгновение различаешь глаза доктора Т. Дж. Эклберга. Глаза доктора Т. Дж. Эклберга голубые и громадные: их сетчатки высотой в ярд. Они смотрят не с лица, а из-за огромных жёлтых очков, перекинутых через несуществующий нос. Очевидно, какой-то окулист, отчаянный шутник, поместил их здесь, чтобы привлечь побольше пациентов в свою практику в Куинсе, а потом сам погрузился в вечную слепоту или забыл о них и уехал. Но его глаза, немного поблёкшие за долгие дни без подновления краски, под солнцем и дождём, всё так же задумчиво смотрят на торжественно-мрачную свалку.

С одной стороны Долину Шлака ограничивает небольшая грязная река, и, когда разводной мост поднимают, чтобы пропустить баржи, пассажиры остановившихся поездов могут разглядывать унылый пейзаж целых полчаса. Поезд всегда задерживается здесь хотя бы на минуту, и именно благодаря этой остановке я впервые познакомился с любовницей Тома Бьюкенена.

О том, что у него есть любовница, говорили как о несомненном факте всюду, где его знали. Знакомых возмущало, что он появлялся с ней в популярных кафе и, оставив её за столиком, расхаживал по залу, беседуя со всеми, кого знал. Мне было любопытно посмотреть на неё, но знакомиться с ней я не хотел — и всё-таки познакомился. Однажды днём я ехал с Томом поездом в Нью-Йорк. Когда мы остановились у шлаковых насыпей, он вскочил и, схватив меня за локоть, буквально вытащил из вагона. «Мы выходим, — объявил он, не допуская возражений. — Хочу познакомить тебя с моей подружкой».

Думаю, за обедом он порядочно набрался, и его решимость заполучить меня в спутники граничила с насилием. Он высокомерно исходил из того, что в воскресный день мне всё равно нечем больше заняться.

Я вслед за ним перелез через низкую белёную железнодорожную ограду, и мы прошли назад по дороге ярдов сто под неотступным взглядом доктора Эклберга. Единственной постройкой в пределах видимости был небольшой корпус из жёлтого кирпича на краю пустыря — нечто вроде главной торговой улицы, сжатой до одного здания, которое обслуживало эту пустошь и ни с чем на свете не соседствовало. Одно из трёх помещений сдавалось, в другом находился круглосуточный ресторан, к которому вела тропинка по пеплу, а третье занимал гараж: «Ремонт. Джордж Б. Уилсон. Покупка и продажа автомобилей». Я вошёл туда вслед за Томом.

Внутри было пусто и бедно; единственная машина — покрытый пылью остов «форда» — съёжилась в полутёмном углу. Мне уже пришло в голову, что это жалкое подобие гаража, должно быть, служит прикрытием, а наверху скрываются роскошные покои для любовных встреч, когда в дверях конторки появился сам хозяин, вытирая руки ветошью. Это был белокурый, вялый, малокровный мужчина, не лишённый некоторой красоты. При виде нас в его светло-голубых глазах вспыхнул влажный проблеск надежды.

«Здорово, Уилсон, дружище, — сказал Том, весело хлопнув его по плечу. — Как дела?» — «Не жалуюсь, — неубедительно ответил Уилсон. — Когда вы продадите мне ту машину?» — «На следующей неделе. Мой человек сейчас ею занимается». — «Не больно-то он торопится, а?» — «Торопится, — холодно сказал Том. — А если вы так смотрите на дело, пожалуй, мне лучше продать её кому-нибудь другому». — «Я не это хотел сказать, — поспешно объяснил Уилсон. — Я только...»

Голос его угас, а Том нетерпеливо оглядел гараж. Тут я услышал шаги на лестнице, и через мгновение полноватая женская фигура заслонила свет в дверях конторки. Ей было лет тридцать пять; она слегка располнела, но умела, как умеют некоторые женщины, чувственно нести свою плоть. В её лице над тёмно-синим крепдешиновым платьем в горошек не было ни единой черты, ни единого проблеска красоты, зато в ней сразу ощущалась жизненная сила, словно нервы её тела непрерывно тлели. Она неторопливо улыбнулась и, пройдя мимо мужа так, будто он был призраком, пожала Тому руку, глядя ему прямо в глаза. Затем облизнула губы и, не оборачиваясь, сказала мужу негромким, грубоватым голосом: «Принёс бы стулья, что ли, чтобы люди могли сесть».

«Да, конечно», — поспешно согласился Уилсон и направился к маленькой конторке, сразу слившись с цементным цветом стен. Белая пепельная пыль покрывала его тёмный костюм и светлые волосы, как покрывала всё вокруг, — кроме его жены, которая подошла вплотную к Тому. «Я хочу тебя видеть, — настойчиво сказал Том. — Садись на следующий поезд». Она согласилась. «Буду ждать у газетного киоска на нижнем уровне». Она кивнула и отошла от него как раз в тот момент, когда Джордж Уилсон появился в дверях конторки с двумя стульями.

Мы ждали её дальше по дороге, вне поля зрения. До Четвёртого июля оставалось несколько дней, и серый, тощий итальянский мальчишка раскладывал в ряд на железнодорожных рельсах хлопушки. «Жуткое место, правда?» — сказал Том, хмуро переглянувшись с доктором Эклбергом. «Ужасное». — «Ей полезно отсюда выбираться». — «А муж не возражает?» — «Уилсон? Он думает, что она ездит к сестре в Нью-Йорк. Он такой тупица, что даже не знает, что живёт на свете».

Так Том Бьюкенен, его подружка и я отправились вместе в Нью-Йорк — вернее, не совсем вместе: миссис Уилсон из осторожности села в другой вагон. По крайней мере, настолько Том считался с чувствами жителей Ист-Эгга, которые могли оказаться в поезде.

Она переделалась в коричневое узорчатое муслиновое платье, туго обтянувшее её довольно широкие бёдра, когда Том помогал ей сойти на платформу в Нью-Йорке. У газетного киоска она купила номер «Городских сплетен» и журнал о кино, а в вокзальной аптеке — крем для лица и маленький флакон духов. Наверху, под гулками сводами торжественного подъезда, она пропустила четыре такси, прежде чем выбрала новенькое, бледно-лиловое, с серой обивкой. На нём мы выскользнули из громады вокзала в сияющий солнечный свет. Но тут она резко отвернулась от окна, наклонилась вперёд и постучала по стеклянной перегородке. «Я хочу купить одну из этих собак, — настойчиво сказала она. — Хочу собаку для квартиры. Хорошо, когда есть собака».

Мы подали назад к седому старику, до нелепости похожему на Джона Д. Рокфеллера. В корзине, висевшей у него на шее, жались друг к другу с десятков совсем маленьких щенков неопределённой породы. «Что это за порода?» — с интересом спросила миссис Уилсон, когда он подошёл к окну такси. «Всякие есть. Какую вам надо, мадам?» — «Я хотела бы одну из тех полицейских собак. Наверное, таких у вас нет?» Старик с сомнением заглянул в корзину, сунул туда руку и вытащил за загривок извивающегося щенка.

«Это не полицейская собака», — сказал Том. «Нет, не совсем полицейская», — с разочарованием в голосе признал старик. «Скорее эрдельтерьер». Он провёл ладонью по бурой спине, похожей на тряпку для мытья посуды. «Вы только посмотрите на шерсть. Вот это шерсть! Такая собака никогда не будет донимать вас простудами». — «По-моему, он прелесть, — с востор-

гом сказала миссис Уилсон. — Сколько стоит?» — «Этот пёс?» Старик полюбовался щенком. «Этот пёс обойдётся вам в десять долларов».

Эрдельтерьер — в его родословной, несомненно, где-то участвовал эрдельтерьер, хотя лапы были поразительно белыми, — перешёл из рук в руки и устроился на коленях у миссис Уилсон. Она с упоением гладила его непромокаемую шерсть. «Это мальчик или девочка?» — деликатно спросила она. «Этот пёс? Мальчик». — «Это сука, — решительно сказал Том. — Вот ваши деньги. Купите на них ещё десять собак».

Мы выехали на Пятую авеню — тёплую, мягкую, почти пасторальную в этот летний воскресный день. Я бы не удивился, если бы из-за угла показалось большое стадо белых овец. «Постойте, — сказал я. — Здесь я должен с вами расстаться». — «Ничего подобного, — быстро вмешался Том. — Миртл обидится, если ты не зайдёшь в квартиру. Правда, Миртл?» — «Пойдёмте, — стала уговаривать она. — Я позвоню своей сестре Кэтрин. Люди, которые должны в этом разбираться, говорят, что она очень красива». — «Я бы с удовольствием, но...»

Мы поехали дальше, снова пересекая парк в сторону западной части города, туда, где номера улиц перевалили за сотню. На Сто пятьдесят восьмой улице такси остановилось у одного из ломтей длинного белого торта многоквартирных домов. Обведя окрестности царственным взглядом вернувшейся домой государыни, миссис Уилсон собрала собаку и остальные покупки и надменно вошла в дом. «Я приглашу Макки, — объявила она, пока мы поднимались в лифте. — Ну и сестре, конечно, надо позвонить».

Квартира находилась на верхнем этаже: маленькая гостиная, маленькая столовая, маленькая спальня и ванная. Гостиная до самых дверей была заставлена обитой гобеленом мебелью, слишком большой для неё, так что, передвигаясь, то и дело натыкаешься на сцены с дамами, качающимися на качелях в версальских садах. Единственным изображением на стене была чрезмерно увеличенная фотография, на первый взгляд — курица на расплывчатом камне. Однако на расстоянии курица превращалась в чепец, и в комнату лучезарно взидало лицо полной пожилой дамы. На столе лежало несколько старых номеров «Городских сплетен», роман «Симон, прозванный Петром» и несколько бродвейских журнальчиков со скандальными историями. Первой заботой миссис Уилсон стала собака. Недовольный лифтер отправился за коробкой с соломой и молоком, от себя добавив жестяную банку больших твёрдых собачьих галет; одна из них весь день апатично размокала в блюде с молоком. Тем временем Том достал бутылку виски из запечатого отделения бюро.

За всю жизнь я был пьян лишь дважды, и второй раз — именно в тот день. Поэтому всё случившееся подёрнуто для меня смутной дымкой, хотя даже после восьми часов квартира ещё была полна весёлого солнечного света. Сидя у Тома на коленях, миссис Уилсон позвонила нескольким людям; потом оказалось, что нет сигарет, и я пошёл за ними в аптеку на углу. Когда я вернулся, оба исчезли, так что я благоразумно устроился в гостиной и прочёл одну главу «Симона, прозванного Петром». То ли это была ужасная дрянь, то ли виски искажал моё восприятие, но никакого смысла я в ней не нашёл.

Как раз когда Том и Миртл снова появились — после первой рюмки мы с миссис Уилсон стали называть друг друга по имени, — в дверь квартиры начали прибывать гости.

Сестра, Кэтрин, была стройной, выдавшей вида девушкой лет тридцати, с рыжими волосо-сами, коротко подстриженными и слипшимися в плотную массу, и лицом, напудренным до молочной белизны. Брови у неё были выщипаны и нарисованы заново под более дерзким углом, но природа старалась восстановить прежнюю линию, отчего лицо приобретало нечёткий вид. Когда она двигалась, бесчисленные керамические браслеты скользили по её рукам с непрерывным постукиванием. Она вошла с такой хозяйской поспешностью и так по-собственнически оглядела мебель, что я подумал, не живёт ли она здесь. Но, когда я спросил, она неудержимо расхохоталась, повторила мой вопрос вслух и сказала, что живёт с подругой в гостинице.

Мистер Макки, из квартиры этажом ниже, был бледным, женоподобным мужчиной. Он только что побрился: на скуле у него белело пятнышко мыльной пены. Со всеми в комнате он здоровался чрезвычайно почтительно. Он сообщил мне, что «подвизается в искусстве»; впоследствии выяснилось, что он фотограф и именно он сделал ту мутную увеличенную фотографию матери миссис Уилсон, которая парила на стене, словно эктоплазма. Его жена была визгливой, томной, красивой и отвратительной. Она с гордостью сообщила, что со дня их свадьбы муж сфотографировал её сто двадцать семь раз.

Миссис Уилсон успела ещё раз переодеться и теперь была облачена в затейливое дневное платье из кремового шифона, непрерывно шуршавшее, когда она величаво перемещалась по комнате. Под влиянием платья изменился и её характер. Та напряжённая жизненная сила, которая так бросалась в глаза в гараже, превратилась во внушительную спесь. Её смех, жесты, заявления с каждой минутой становились всё более неистово наигранными; по мере того как она разрасталась, комната вокруг неё уменьшалась, и наконец казалось, что она вращается в прокуренном воздухе на шумной, скрипучей оси.

«Дорогая моя, — крикнула она сестре высоким, жеманным голосом, — эти люди тебя на каждом шагу обжулят. Только о деньгах и думают. На прошлой неделе ко мне приходила одна женщина заняться моими ногами, а когда подала счёт — можно подумать, она мне аппендицит вырезала». — «Как её звали?» — спросила миссис Макки. «Миссис Эберхардт. Ходит по домам, занимается ногами». — «Мне нравится ваше платье, — заметила миссис Макки. — По-моему, оно очаровательное».

Миссис Уилсон отвергла комплимент, презрительно приподняв бровь. «Да это просто какая-то старая тряпка, — сказала она. — Иногда натягиваю её, когда мне всё равно, как я выгляжу». — «Но оно на вас чудесно сидит, если вы понимаете, что я хочу сказать, — продолжала миссис Макки. — Если бы Честер снял вас в этой позе, думаю, у него могло бы что-нибудь получиться».

Мы все молча посмотрели на миссис Уилсон; она убрала прядь с глаз и ответила нам блистательной улыбкой. Мистер Макки пристально разглядывал её, склонив голову набок, затем медленно провёл рукой перед своим лицом туда и обратно. «Надо бы изменить освещение, — сказал он немного погодя. — Хочется подчеркнуть рельеф лица. И постараться захватить все волосы сзади». — «Я бы ни за что не стала менять освещение! — воскликнула миссис Макки. — По-моему, оно...» Муж шикнул на неё, и мы снова уставились на модель. Тут Том Бьюкенен громко зевнул и поднялся.

«Выпейте чего-нибудь, вы, Макки, — сказал он. — Миртл, принеси ещё льда и минеральной воды, пока все не уснули». — «Я говорила тому мальчишке про лёд». Миртл подняла брови, выражая отчаяние по поводу нерадивости низших классов. «Эти люди! Всё время приходится за ними следить». Она посмотрела на меня и беспричинно засмеялась. Потом стремительно подошла к собаке, восторженно поцеловала её и величаво уплыла на кухню, словно там её распоряжений ожидал десяток поваров.

«Я сделал несколько хороших вещей на Лонг-Айленде», — заявил мистер Макки. Том посмотрел на него без всякого выражения. «Две у нас внизу висят в рамках». — «Две чего?» — спросил Том. «Два этюда. Один я назвал “Мыс Монток — чайки”, а другой — “Мыс Монток — море”».

Сестра Кэтрин села рядом со мной на диван. «Вы тоже живёте на Лонг-Айленде?» — спросила она. «В Уэст-Эгге». — «Правда? Я примерно месяц назад была там на вечеринке. У человека по фамилии Гэтсби. Вы его знаете?» — «Я живу по соседству». — «Говорят, он племянник или кузен кайзера Вильгельма. Оттуда у него все деньги». — «В самом деле?» Она кивнула. «Я его боюсь. Не хотела бы я, чтобы он что-нибудь против меня узнал».

Эти увлекательные сведения о моём соседе прервала миссис Макки, внезапно указав на Кэтрин. «Честер, по-моему, с ней у тебя тоже могло бы что-нибудь получиться», — выпалила

она, но мистер Макки лишь скучающе кивнул и снова обратился к Тому. «Я хотел бы побольше работать на Лонг-Айленде, если бы удалось войти в круг. Мне только и нужно, чтобы дали возможность начать».

«Попросите Миртл», — сказал Том и коротко, громко рассмеялся, когда миссис Уилсон вошла с подносом. «Она даст вам рекомендательное письмо. Правда, Миртл?» — «Что даст?» — испуганно спросила она. «Ты дашь Макки рекомендательное письмо к своему мужу, чтобы он сделал с него несколько этюдов». Губы Тома мгновение беззвучно двигались, пока он придумывал название. «“Джордж Б. Уилсон у бензоколонки” или что-нибудь такое».

Кэтрин наклонилась ко мне и прошептала на ухо: «Они оба терпеть не могут тех, с кем живут в браке». — «Неужели?» — «Терпеть не могут». Она посмотрела на Миртл, потом на Тома. «Вот я и говорю: зачем с ними жить, если не выносишь? Я бы на их месте сразу развелась и вышла за него». — «Она тоже не любит Уилсона?» Ответ оказался неожиданным: Миртл услышала вопрос и ответила сама — яростно и непристойно.

«Вот видите!» — торжествуя воскликнула Кэтрин. Потом снова понизила голос. «Вообще-то им мешает его жена. Она католичка, а у них разводиться нельзя». Дэйзи не была католичкой, и эта тщательно придуманная ложь меня несколько потрясла. «Когда они всё-таки поженятся, — продолжала Кэтрин, — уедут на Запад и проживут там, пока всё не уляжется». — «В Европу было бы осммотрительнее».

«О, вам нравится Европа?» — с неожиданным оживлением воскликнула она. «Я только что вернулась из Монте-Карло». — «Правда?» — «В прошлом году. Ездила с одной девушкой». — «Надолго?» — «Нет, только в Монте-Карло и обратно. Через Марсель. Когда мы выехали, у нас было больше тысячи двухсот долларов, а в закрытых игорных залах за два дня из нас вытянули всё до последнего цента. Намучились мы с возвращением, можете мне поверить. Боже, как я возненавидела этот город!»

Небо уходящего дня на мгновение расцвело в окне, словно голубой мёд Средиземноморья; затем пронзительный голос миссис Макки вернул меня в комнату. «Я тоже чуть не надевала глупостей, — энергично заявила она. — Чуть не вышла за одного жидка, который годами за мной бегал. Я знала, что он мне не ровня. Все твердили: “Люсиль, этот человек тебе совсем не ровня!” Но, если бы я не встретила Честера, он бы меня непременно заполучил».

«Да, но послушайте, — сказала Миртл Уилсон, кивая, — вы-то по крайней мере за него не вышли». — «Знаю, что не вышла». — «А я вышла», — двусмысленно сказала Миртл. «Вот и вся разница между нами». — «Зачем же ты вышла, Миртл?» — спросила Кэтрин. — «Никто тебя не заставлял». Миртл задумалась. «Я вышла за него, потому что считала его джентльменом, — наконец сказала она. — Думала, он хоть что-то понимает в хорошем воспитании, а он мне и туфлю лизать недостойн».

«Ты ведь какое-то время с ума по нему сходила», — сказала Кэтрин. «С ума по нему сходила! — недоверчиво воскликнула Миртл. — Кто сказал, что я с ума по нему сходила? Я по нему сходила с ума не больше, чем по тому человеку». Она внезапно указала на меня, и все посмотрели с обвинением. Я постарался придать лицу выражение, которое ясно показывало бы, что ни на какую любовь не рассчитываю.

«Единственное моё сумасшествие — это то, что я за него вышла. Я сразу поняла, что ошиблась. Он одолжил у кого-то лучший костюм, чтобы в нём жениться, и даже мне не сказал. Потом, когда его не было дома, тот человек пришёл за костюмом. “Ах, это ваш костюм?” — сказала я. — Первый раз об этом слышу”. Ну, я ему отдала, а потом легла и весь день ревела так, что стены тряслись».

«Ей и правда надо от него уйти, — снова обратилась ко мне Кэтрин. — Они одиннадцать лет живут над этим гаражом. И Том — её первый любовник».

Бутылка виски — уже вторая — теперь была постоянно нужна всем присутствующим, кроме Кэтрин, которая «и без всего чувствовала себя ничуть не хуже». Том вызвал смотрителя

дома и послал его за какими-то знаменитыми сэндвичами, каждый из которых сам по себе составлял целый ужин. Мне хотелось выйти и пойти на восток, к парку, сквозь мягкие сумерки, но всякий раз, когда я пытался уйти, меня втягивал какой-нибудь дикий, крикливый спор и словно верёвками затаскивал обратно в кресло. А между тем наша цепочка жёлтых окон высоко над городом, должно быть, добавляла свою долю человеческих тайн для случайного прохожего на темнеющих улицах; я тоже видел его — как он поднимает голову и гадает. Я был и внутри, и снаружи, одновременно очарованный и отталкиваемый неисчерпаемым многообразием жизни.

Миртл придвинула стул к моему, и вдруг вместе с её тёплым дыханием на меня хлынул рассказ о первой встрече с Томом. «Это было на тех двух маленьких сиденьях друг против друга, которые в поезде всегда остаются последними. Я ехала в Нью-Йорк к сестре, собиралась у неё ночевать. На нём был вечерний костюм и лакированные туфли, и я глаз от него не могла отвести. Но всякий раз, когда он на меня смотрел, мне приходилось делать вид, что я читаю рекламу над его головой. Когда мы приехали на вокзал, он стоял рядом, и белая манишка прижималась к моей руке. Я сказала, что позову полицейского, но он знал, что я вру. Я так разволновалась, что, когда садилась с ним в такси, почти не понимала, что это не поезд метро. У меня только одно всё время крутилось в голове: “Вечно не проживёшь, вечно не проживёшь”».

Она повернулась к миссис Макки, и её деланный смех заполнил комнату. «Дорогая моя, — воскликнула она, — я отдам вам это платье, как только оно мне надоест. Завтра надо купить другое. Я составлю список всего, что мне нужно. Массаж, завивка, ошейник для собаки, одна из этих миленьких пепельниц, где нажимаешь на пружинку, и венки с чёрным шёлковым бантом на мамину могилу, чтобы хватило на всё лето. Надо всё записать, а то забуду, сколько у меня дел».

Было девять часов; почти сразу после этого я посмотрел на часы и обнаружил, что уже десять. Мистер Макки спал на стуле, сжав кулаки на коленях, словно на фотографии человека действия. Достав платок, я стёр с его щеки пятнышко засохшей пены, которое беспокоило меня весь день.

Собачонка сидела на столе, невидящими глазами глядела сквозь дым и временами тихонько постанывала. Люди исчезали, появлялись вновь, собирались куда-то идти, потом теряли друг друга, искали, находили в нескольких шагах. Ближе к полуночи Том Бьюкенен и миссис Уилсон стояли лицом к лицу и горячо обсуждали, имеет ли миссис Уилсон право упоминать имя Дэйзи. «Дэйзи! Дэйзи! Дэйзи! — кричала миссис Уилсон. — Буду говорить, когда захочу! Дэйзи! Дэй...» Коротким, ловким ударом открытой ладони Том Бьюкенен сломал ей нос.

Потом на полу ванной лежали окровавленные полотенца, женские голоса бранились, и высоко над всей суматохой тянулся долгий, прерывистый вопль боли. Мистер Макки очнулся от дремоты и ошалело направился к двери. На полпути он обернулся и уставился на эту сцену: его жена и Кэтрин, то бранясь, то утешая, спотыкались среди тесно стоявшей мебели, неся всё необходимое для помощи, а отчаявшаяся женщина на диване, обильно истекая кровью, пыталась расстелить номер «Городских сплетен» поверх гобеленовых сцен Версаля. Затем мистер Макки отвернулся и вышел. Сняв свою шляпу с люстры, я последовал за ним.

«Приходите как-нибудь пообедать», — предложил он, пока мы со скрипом спускались в лифте. «Куда?» — «Куда угодно». — «Не трогайте рычаг», — огрызнулся лифтёр. «Прошу прощения, — с достоинством ответил мистер Макки. — Я не заметил, что прикасаюсь к нему». — «Хорошо, — согласился я. — С удовольствием приду».

...Я стоял у его кровати, а он сидел под простынями в нижнем белье, держа в руках большую папку с фотографиями. «Красавица и чудовище... Одиночество... Старая лошадь бакалейщика... Бруклинский мост...»

Потом я лежал в полусне на холодном нижнем уровне Пенсильванского вокзала, смотрел в утреннюю «Трибюн» и ждал четырёхчасового поезда.

Глава 3

В летние ночи из дома моего соседа доносилась музыка. В его синих садах мужчины и девушки появлялись и исчезали, словно мотыльки, среди шёпота, шампанского и звёзд. Днём, в полный прилив, я наблюдал, как его гости ныряют с вышки на плоту или греются на горячем песке его пляжа, а два моторных катера рассекают воды пролива, буксируя аквапланы по водопадам пены. По выходным его «роллс-ройс» превращался в омнибус: с девяти утра и далеко за полночь возил компании в город и обратно, а автомобиль с кузовом универсал сновал, как проворный жёлтый жук, встречая все поезда. По понедельникам восемь слуг, включая дополнительно нанятого садовника, целый день трудились со швабрами, щётками, молотками и садовыми ножницами, устраняя опустошения минувшей ночи.

Каждую пятницу нью-йоркский торговец фруктами присылал пять ящиков апельсинов и лимонов; каждый понедельник те же апельсины и лимоны покидали чёрный ход пирамидой выжатых половинок. На кухне стояла машина, способная за полчаса выжать сок из двухсот апельсинов, — стоило лишь дворецкому двести раз нажать большим пальцем маленькую кнопку.

Не реже раза в две недели приезжала целая команда устроителей банкетов с несколькими сотнями футов парусины и таким количеством разноцветных лампочек, что огромный сад Гэтсби можно было превратить в рождественскую ёлку. На буфетных столах, украшенных блестящими закусками, пряные запечённые окорока теснились рядом с салатами арлекинской расцветки, поросятами в тесте и индейками, словно заколдованными в тёмное золото. В главном зале устанавливали бар с настоящей латунной переключателем и запасали его джинами, спиртными напитками и наливками, столь давно забытыми, что большинство гостей были слишком молоды, чтобы отличить одну от другой.

К семи часам оркестр уже на месте — не какая-нибудь жиденькая пятёрка музыкантов, а целая оркестровая яма гобоев, тромбонов, саксофонов, виол, корнетов, флейт-пикколо, больших и малых барабанов. Последние купальщики вернулись с пляжа и переодеваются наверху; машины из Нью-Йорка стоят на подъездной дороге в пять рядов, а холлы, гостиные и веранды уже пестрят яркими чистыми цветами, волосами, коротко стриженными на причудливый новый лад, и шальями, о каких Кастилия не смела мечтать. Бар работает вовсю, очередные подносы коктейлей уплывают в сад, пока воздух не оживает от болтовни и смеха, мимолётных намёков и знакомств, тотчас забываемых, от восторженных встреч женщин, которые никогда не знали имён друг друга.

Огни разгораются всё ярче по мере того, как земля рывком отворачивается от солнца; теперь оркестр играет жёлтую коктейльную музыку, и многоголосая опера поднимается на тон. Смех с каждой минутой даётся легче: его расточают без счёта, выплёскивают в ответ на весёлое слово. Компании меняются всё быстрее, разрастаются с прибытием новых гостей, распадаются и складываются вновь на одном дыхании; уже появляются странницы — уверенные в себе девушки, которые лавируют среди более плотных и оседлых гостей, на одно острое, радостное мгновение становятся центром компании, а потом, возбуждённые торжеством, скользят дальше среди морских превращений лиц, голосов и красок под непрестанно меняющимся светом.

Вдруг одна из этих цыганок, в трепещущем опале, выхватывает из воздуха коктейль, опрокидывает его для храбрости и, двигая руками на манер Фриско, одна вытанцовывает на парусиновый помост. На мгновение все умолкают; дирижёр услужливо меняет для неё ритм, и болтовня вспыхивает вновь: по саду разносится ошибочный слух, что она дублёрша Гильды Грей из «Фоллис». Праздник начался.

Кажется, в тот первый вечер, когда я пришёл к Гэтсби, я был одним из немногих гостей, которых действительно пригласили. Людей не приглашали — они приезжали сами. Садились в автомобили, которые доставляли их на Лонг-Айленд, и каким-то образом оказывались у дверей Гэтсби. Там их представлял кто-нибудь, знавший хозяина, после чего они вели себя по правилам, принятым в парке развлечений. Иногда они приезжали и уезжали, так и не встретившись с Гэтсби; приходили на праздник с такой простотой души, которая сама по себе служила входным билетом.

Меня же действительно пригласили. Ранним субботним утром шофёр в форме голубого цвета, как яйцо малиновки, пересёк мою лужайку с неожиданно официальной запиской от своего нанимателя. В ней говорилось, что Гэтсби сочтёт за честь, если я окажу ему удовольствие своим присутствием на его «небольшом вечере». Он несколько раз видел меня и давно намеревался зайти, но необычное стечение обстоятельств ему помешало. Внизу величественным почерком стояла подпись: «Джей Гэтсби».

Нарядившись в белый фланелевый костюм, я вскоре после семи перешёл на его лужайку и стал довольно неловко бродить среди людских водоворотов и завихрений. Я никого не знал, хотя кое-где замечал лица, встречавшиеся в пригородном поезде. Меня сразу поразило количество молодых англичан, рассеянных среди гостей: все хорошо одеты, все с чуть голодным видом, все негромко и серьёзно беседуют с солидными, преуспевающими американцами. Я был уверен, что они что-нибудь продают: облигации, страховки или автомобили. Во всяком случае, они мучительно остро чувствовали, что поблизости водятся лёгкие деньги, и были убеждены, что эти деньги станут их собственностью, стоит лишь произнести несколько слов в нужном тоне.

Едва придя, я попытался найти хозяина, но двое или трое, у кого я спросил, где он, посмотрели на меня с таким изумлением и столь горячо заявили, что ничего не знают о его передвижениях, что я ступешался и направился к столу с коктейлями — единственному месту в саду, где одинокий мужчина мог задержаться, не выглядя бесцельным и покинутым.

От одной только неловкости я уже собирался напиться до бесчувствия, когда из дома вышла Джордан Бейкер и остановилась наверху мраморных ступеней, слегка отклонившись назад и с презрительным любопытством разглядывая сад. Хотела она того или нет, мне необходимо было к кому-нибудь пристать, прежде чем я начну обращаться с дружелюбными замечаниями к прохожим. «Здравствуйте!» — прогремел я, направляясь к ней. Мой голос прозвучал над садом неестественно громко.

«Я подумала, что вы можете быть здесь, — рассеянно ответила она, когда я подошёл. — Вспомнила, что вы живёте по соседству с...» Она безлично задержала мою руку, словно обещая заняться мной через минуту, и прислушалась к двум девушкам в одинаковых жёлтых платьях, остановившимся у подножия лестницы. «Здравствуйте! — одновременно воскликнули они. — Жаль, что вы не выиграли». Это относилось к турниру по гольфу: на прошлой неделе она проиграла в финале. «Вы нас не знаете, — сказала одна из девушек в жёлтом, — но мы познакомились здесь примерно месяц назад».

«С тех пор вы перекрасили волосы», — заметила Джордан. Я вздрогнул, но девушки уже небрежно прошли дальше, и её замечание было обращено к преждевременно появившейся луне, которую, несомненно, достали, как и ужин, из корзины устроителей банкета. Положив свою стройную золотистую руку на мою, Джордан спустилась со мной по ступеням, и мы неторопливо пошли по саду. Сквозь сумерки к нам подплыл поднос с коктейлями; мы сели за стол к двум девушкам в жёлтом и трём мужчинам, каждого из которых представили нам как мистера Невнятного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.